

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1972 г.

Очередная Всесоюзная научная сессия по итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. состоялась 10—14 апреля 1973 г. в Самарканде¹. Она была организована Отделением истории и институтами археологии и этнографии АН СССР, а также Отделением истории, языкознания и литературоведения и институтом истории и археологии АН Узбекской ССР. В работе сессии приняло участие более 600 человек, и было прослушано свыше 250 докладов и сообщений. Выступления по итогам археологических исследований, которым посвящен этот обзор, заслушивались как на пленарных заседаниях, так и в ряде секций: палеолита, неолита и бронзы, раннего железного века, античной, средневековой среднеазиатской археологии, нумизматики, теории и методики археологии. Основная цель самаркандской сессии — осветить проблемы среднеазиатской археологии, поэтому естественно, что большая часть докладов и выступлений по ним была посвящена раскопкам памятников Средней Азии всех эпох — от палеолита до позднего средневековья. Соответствующим образом наиболее крупной и активной по аудитории и числу докладов была секция археологии Средней Азии, тематика которой и отражена главным образом в данном обзоре².

И. Т. Кругликова (Москва) и *З. А. Хакимов* (Ташкент) доложили о результатах работы советской археологической экспедиции в Северном Афганистане. Проведенные разведки позволили выявить свыше 200 новых памятников различного времени и приступить к составлению археологической карты Северного Афганистана. Выяснены основные типы поселений эпохи бронзы и античности. Обнаружены три группы поселений бронзового века. Раскопки на городищах Дашлы I и III обнаружили мощные оборонительные стены и «круглый храм» диаметром свыше 130 м. Комплекс Алтын X, относящийся к раннежелезному веку, состоит из многоколонного сооружения дворцового типа, окруженного рядом построек, в том числе зданием из 27 помещений, с центральным двором и обводным коридором, которое было украшено разнообразным архитектурным декором. На севере Балхского оазиса обнаружены три больших города кушанского времени — Дальверзин, Комзар, Топраккала, которые состояли из цитадели, шахристана, окруженного стенами, и обширного рабата. Раскопками на цитадели Дальверзинского городища раскрыты слои позднекушанского времени, когда город

¹ См. заметку об этой сессии: Л. Р. Розенфельд, З. П. Соколова, Археологические и этнографические исследования 1972 г., «Вестник АН СССР», 1973, вып. 8, стр. 87—95.

² При составлении рефератов по ряду освещенных в данном обзоре докладов, хронологически ограниченных I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э., были использованы авторские тезисы из сб. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.

был в упадке. В числе других открыт комплекс помещений с росписями, стены одной из комнат покрыты портретными изображениями с надписями. Интересны также раскопки храма, существовавшего на протяжении ряда веков и пережившего несколько строительных периодов. Первоначальный храм с колоннадой был сооружен в греко-бактрийское время и, возможно, посвящен греческим богам. В кушанское время он также претерпел перестройки. На стенах храма обнаружены росписи греко-бактрийского времени с фигурами Диоскуров, а также сцена с двумя фигурами, восседающими на быке, относящаяся к кушанской эпохе. За пределами города раскапывалось буддийское святилище.

А. Д. Грач (Ленинград) выступил с докладом «Проблемы археологии и древней истории Центральной Азии в свете исследований Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР», в котором говорилось о том, что экспедиция исследовала в пропорциональных масштабах памятники различного времени — палеолитические, неолитические, бронзы, скифские, гунно-сарматские, древнетюркские и II тыс. до н. э., расположенные в зоне затопления водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС в Туве и Саянском каньоне Енисея. Памятники каменного века на исследуемой территории включают мустьерские, верхнепалеолитические и неолитические объекты. Всего зафиксировано 168 пунктов находок. Исследование ряда памятников эпохи бронзы показало, что погребения монгул-тайгинского типа в значительной степени принадлежат к этому времени. На могильнике Куйлуг-Хом I погребальные сооружения этого типа (МТ-IIa) перекрывались курганами VII—VI вв. до н. э. Ареал распространения этих памятников охватывает территорию Тувы, а также Центральной и Северо-Западной Монголии. Памятники раннескифского времени, VII—VI вв., представлены алды-бельской культурой, близкой майзмирским памятникам Алтая и тасмолинским Казахстана. Генетически с нею не связана последующая саглынская культура V—III вв. до н. э. Раскопками кургана Улуг-Хорум в Саглынской долине вскрыт храм, связанный с солярным культом. В числе объектов гунно-сарматского времени исследовались памятники улуг-хемеркой культуры послескифского времени. Найдены памятники енисейской письменности, относящиеся к древнетюркскому времени. Изучается также хронология, погребальный обряд и другие вопросы археологии этого периода. В числе петроглифов и памятников наскальной живописи выделены изображения эпохи бронзы, скифского и позднейших периодов.

Тематика докладов по раннежелезному веку в основном касалась раскопок могильников. Доклад *Б. И. Вайнберг, В. А. Шнирельман* (Москва) «Могильник Тумака Кичиджик в Северной Туркмении» был посвящен раскопкам этого могильника, расположенного на одноименной возвышенности в западной части Присарыкамышской дельты Амударьи, при которых были обнаружены захоронения различных эпох — энеолитической, раннего железного века и сарматского времени. Энеолитический грунтовый могильник насчитывает 11 могил, как правило, длинных, узких и глубоких. Костяки лежат на спине в вытянутом положении, головой ориентированы на северо-восток или восток. Инвентарь небогат — в основном кремневые орудия, а также немногочисленные фрагменты керамики и изделий из кости. Во всех могилах встречается красная охра. Могильный комплекс раннего железного века включает 17 могил. Захоронения производились как в ямах, так и на поверхности и сопровождалась небогатым инвентарем. Костяки лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад. Несколько могил относятся к сарматскому времени и датируются последними веками до н. э. — первыми веками н. э.

Е. Д. Салтовская (Душанбе) в докладе «Могильники эпохи раннего железа в Северо-Западной Ферганае» сообщила о раскопках на Аштском могильнике в Северо-Западной Ферганае, где было вскрыто около 60 курганов с каменной насыпью диаметром от 4—5 до 11—12 м. Могилы — грунтовые, неглубокие, овальной формы, преобладающий обряд захоронения — труположение; костяки вытянутые, лежат на спине, головой ориентированы на запад и юго-запад. Под головой обычно каменная выстилка. Своеобразная черта погребального обряда состоит в последовательном захоронении в одну могилу нескольких покойников, вне зависимости от пола и возраста. Найденный

керамический материал имеет аналогии в могильниках Центральной Ферганы ранне-железного века. Весь комплекс инвентаря указывает на VI—IV вв. до н. э.; он чрезвычайно близок материалам центральноферганского Актамского могильника. Таким образом, ранние курганы с каменной насыпью оставлены в Западной Фергане племенами, близкими населению Центральной Ферганы, что свидетельствует о более широком распространении культуры эйлатано-актамского типа.

В докладе *В. Н. Ягодина* (Нукус) «Курганы кочевников Восточного чинка Устюрта» говорилось о впервые проведенной в 1972 г. разведке северной части плато Устюрта в пределах Каракалпакской АССР. Обнаружены памятники различных эпох, в том числе курганы ранних кочевников, которые расположены сплошной полосой в меридиональном направлении вдоль Восточного чинка Устюрта. Курганы отстоят друг от друга на большом расстоянии, но имеется несколько групп в 5—10 курганов и один большой могильник примерно с сотней курганов. Выборочные раскопки показали, что эти курганы относятся к эпохе ранних кочевников. Труположения совершались в простых ямах, ямах с подбоем, ямах с каменным ящиком. Можно полагать, что большинство этих курганов расположено вдоль меридиональной трассы кочевья какой-то локальной группы племен, доходя на юге до границ земледельческих оазисов Хорезма, где цепь курганов обрывается и где следует искать следы зимовок этих племен.

К. Ф. Смирнов (Москва) в докладе «О коллективных (семейных) захоронениях у ранних кочевников Южного Приуралья» сообщил об относящемся к савроматской (VI—V вв. до н. э.) и прохоровской (IV—II вв. до н. э.) культурам погребальном обряде. Семейные могилы-склепы у кочевников VI—IV вв. до н. э. до последнего времени почти не были известны. Однако в 1972 г. в Новокуманском курганном могильнике был найден ряд могил V—VI вв. до н. э. с коллективными захоронениями до 10 мужчин, женщин, детей. Это были, вероятно, последовательно совершенные семейные захоронения с единым инвентарем и погребальным обрядом. Погребальные сооружения, обычно представлявшие прямоугольные могилы с деревянным перекрытием, с рубежа VI—V вв. до н. э. у кочевников Южного Приуралья снабжаются дромосом, через который совершались последовательные захоронения членов одного семейства. На Новокуманском могильнике в большом кургане № 1 обнаружена такая дромосная могила IV в. до н. э. с шестью захоронениями. Могилы такого типа были склепами состоятельных савромато-сарматских семей.

В докладе *А. И. Мельниковой* (Москва) «Новые данные о скифской культуре на Нижнем Днестре» говорилось о раскопках курганов на левом берегу Нижнего Поднестровья, в результате которых получены новые данные о погребальном обряде местных скифских племен в IV—III вв. до н. э. В курганах у с. Буторы открыты большие могильные ямы, перекрытые бревенчатым накатом, не имеющие аналогий в степной Скифии, и катакомбы обычного типа, известные на Нижнем Днестре и в Побужье. В насыпи одного кургана обнаружено первое в Западной Скифии изваяние скифавонна.

Большое число докладов было посвящено одной из центральных тем археологической сессии — город Средней Азии. Проблемный доклад по этой теме «Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии» был прочитан *В. М. Массоном* (Ленинград). Докладчик отметил, что в процессе урбанизации Средней Азии выделяются две эпохи: древневосточная (конец III тыс. до н. э. — середина I тыс. до н. э.) и античная (III в. до н. э. — IV—V вв. н. э.). Образование ранних городов в Южном Туркменистане в конце III — первой половине II тыс. до н. э. было связано с концентрацией в них земледельческого населения и развитием ремесленного производства. Города стали крупными производственными центрами. Интересно, что Алтын-депе и Намазгадепе не имеют в своей округе мелких сельских поселений. Сосредоточивание производства в городах сопровождалось их соответствующим социальным и идеологическим развитием. Социальная стратификация не имеет еще резко выраженного характера, но уже воздействует на типологию городской застройки. В идеологическом плане концентрация населения в городе привела к возникновению обширного культового

комплекса (Алтын-депе). Бесформенная планировка городов следует традиции энеолитических поселков, на остатках которых возникли Алтын-депе и Намазга-депе. Уровень городской культуры в целом достаточно высок. В середине и во второй половине II тыс. до н. э. происходит экспансия древневосточной городской культуры в Маргиану (Аучин, Тахирай З), в Северную (Сапалли, Миршаде) и Южную Бактрию (памятники в Давлетабаде и у Акча). Экспансия породила здесь тип укрепленного городского поселения в виде квадратных крепостей с башнями. Поселки располагались группами по оазисам, что создавало предпосылки для выделения единого крупного центра. В первой трети I тыс. до н. э. процесс урбанизации еще более усиливается на юге Средней Азии. В оазисах возникают крупные городские поселения с цитаделями и другими фортификационными сооружениями. Планировка городов аморфна. Мелкие поселения округа менее укреплены, нежели в эпоху бронзы. Городская культура подвергается некоторой варваризации, что объясняется происходившими в это время сложными этническими процессами. Такая оазисная хозяйственно-политическая структура близка месопотамской, где, как явствует из письменных и археологических источников, в III—II тыс. до н. э. основной единицей организации населения была группа поселений, тяготеющих к одному, двум или трем взаимосвязанным центрам, а также к одному магистральному каналу или к строго ограниченному участку реки. В номенклатуре Авесты такой системе соответствует понятие «страна» — *дахью*. Эта система организации характерна и для середины I тыс. до н. э., когда отмечается возникновение городов также в Согде и Хорезме. Всеобщий характер урбанизации различных обществ Средней Азии привел к их культурной интеграции, ярко выраженной в единообразном облике керамики и строительства. В это время территориальная экстенсивность урбанизационного процесса в основном завершается. Для второй урбанистической эпохи Средней Азии, приходящейся на античный период, характерна интенсификация урбанистического процесса, что выразилось в осознанно проводимой политике градостроительства; подобное явление обнаруживалось почти во всех областях распространения оседлых культур древней Азии этого времени. Интенсивность урбанистического процесса породила систему фортификационных, планировочных и строительных канонов, в сложении которых большую роль сыграла эллинистическая городская цивилизация. В Бактрии сознательный градостроительный процесс нашел выражение в создании городов с ядром четкой квадратной планировки, что восходит к местным традициям эпохи бронзы (Сапалли, Дашлы) и представлено в поселениях VII—IV вв. до н. э. (Тамоша-тепе, Кызыл-тепе). Раскопками на Дальверзине в Северной Бактрии выявлены производственный центр и монументальные жилища знати; социальная стратификация общества выражена в характере застройки намного резче, нежели в Алтын-депе, на начальном этапе процесса урбанизации. Сохраняется и развивается система хозяйственно-политических оазисов-номов, состоящих из крупного города и сети небольших укрепленных поселков обычно квадратной формы. В V в. н. э., с концом кушанской эпохи, происходит упадок городской цивилизации; территория городов сокращается и сосредоточивается в цитаделях, в расположенных в них замках землевладельческой аристократии.

В. И. Сарияниди (Москва) в докладе «Становление городской жизни Южной Бактрии» отметил, что наличие оборонительных стен в Иерихоне, Хаджиляре и поселках Геоксюрского оазиса было вызвано необходимостью оградиться от угрозы нападения. В то же время синхронные памятники прилегающих к Копетдагу районов не имеют оборонительных укреплений, так что наличие оборонительных сооружений отнюдь не обязательный признак города. В эпоху бронзы ряд крупных поселений — Намазга-депе, Алтын-депе, Улуг-депе — имели не сплошное кольцо оборонительных стен, а отдельные особо укрепленные участки, что, по мнению докладчика, обнаруживает качественно новое назначение таких сооружений, «призванных не только оградить от внешней опасности, но и от массы рядовых жителей поселения, что свидетельствует о социальной дифференциации общества в эпоху бронзы». Показательны в этом отношении поселения Акчинского оазиса в Северном Афганистане, представляющие собой два градостроительных типа: крепость с прилегающим неукрепленным поселением

(Дашлы I) и просто неукрепленное поселение, без цитадели. Такая же в целом картина наблюдается и в других оазисах эпохи бронзы — Давлятабадском и Фарукабадском. По мнению В. И. Сарияниди, в этом проявляется «выделение особой прослойки местного общества, принимающее характер закономерности». Аналогичная картина наблюдается и на типичном памятнике восточнорасанской культуры расписной керамики Тилля-тепе, неукрепленном поселении, располагающемся вокруг укрепленного ядра — цитадели, в которой находилась резиденция местного правителя. В смысле социальной значимости крепость типа Дашлы I и цитадель типа Тилля-тепе — памятники одного порядка. Отмеченные две градостроительные традиции соединяются в планировке памятников Южной Бактрии второй четверти и середины I тыс. до н. э. (Алтын I, Дилар-тепе в Фарукабадском оазисе). Необходимые предпосылки становления городской жизни — наличие ремесел, широкое развитие торговли, далеко зашедшая социальная дифференциация. Памятники эпохи бронзы Акчинского оазиса свидетельствуют о глубине процесса социального расслоения и выделения ремесла при преобладающей роли сельскохозяйственного производства. Аналогичная картина наблюдается и на памятниках Южной Бактрии ахеменидского времени, представляющих собой крепость с цитаделью и неукрепленным пригородом, где концентрируются ремесло и торговля.

В докладе Э. В. Ртвеладзе (Ташкент), «Новые материалы к археологической карте Сурхандарьинской области», сообщалось об обнаруженных в Сурхандарьинской области примерно 80 памятниках античного периода, что в сочетании с уже известным материалом позволяет наметить подробную классификацию поселений в целом и выделить из их числа поселения городского типа. Последние выделялись на основе таких признаков, как размер, форма, наличие трехчастной композиции — цитадели, шахристана и рабада, а также оборонительных сооружений. В соответствии с этими признаками выделяются следующие типы городских поселений: 1. Город крупных размеров многоугольной формы, с мощной сетью фортификационных сооружений и развитым рабадом (Термезское городище площадью 500 га). 2. Город крупных размеров со свободной планировкой, включающей дворцовые, усадебные и прочие сооружения, с цитаделью, но без оборонительных стен (Халчаян, Бай-тепе). 3. Город крупных размеров с трехчастным делением, четкой квадратно-прямоугольной планировкой и кольцом оборонительных сооружений, усиленных рвом (Дальверзин-тепе — 28 га,⁵ Зар-тепе — 16 га). 4. Город средних размеров с трехчастной композицией, прямоугольной, квадратной или многоугольной в плане, с цитаделью и кольцом оборонительных сооружений, усиленных рвом (Хайрабад-тепе, Джандавлят-тепе и др., площадью от 6 до 10 га). 5. Малый город площадью 1,5—3 га с трехчастной композицией, квадратной или прямоугольной в плане, с цитаделью в одном из углов, окруженный стенами с угловыми башнями и рвом, за которыми расположена свободная пригородная застройка (Нарвантушту, Исмайл-тепе, Баба-тепе и др.). Этот тип в кушанское время наиболее распространен. Города второго и третьего типов немногочисленны, они расположены на значительном расстоянии друг от друга; окруженные более мелкими поселениями, они, по-видимому, были административными центрами отдельных областей. Количество поселений городского типа в соотношении с числом поселений других типов указывает на то, что город играл важную роль в жизни Северной Бактрии кушанского времени.

Г. А. Пугаченко (Ташкент) в докладе «Исследования и открытия Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в 1972 г.» изложила результаты работы экспедиции, которая вела разведку в Сурхандарьинской области, где было открыто около 20 новых памятников от второй половины II тыс. до н. э. до начала XIII в. н. э., и раскопки городов ахеменидского времени — Кызыл-тепе в Миршаде и Талышкан I, в которых использованы два типичных для древнебактрийского зодчества градостроительных приема — прямоугольная и круглая планировка. Продолжались работы по Дальверзин-тепе. Выяснена планировка крупных жилых комплексов, включающая большие залы с четырехколонной композицией, систему коридорообразных обводов; главный фасад выделяется колонным портиком-айваном. Большое значение имеет находка в одном из домов клада золотых изделий кушанского времени.

В докладе Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы» говорилось о том, что на рубеже II—I тыс. до н. э. в Фергане распространяются поселения чустской культуры, подразделяющиеся по размерам на малые (до 0,5 га), средние (Чуст — 4 га) и крупные (Ашкал-тепе — 13 га, Дальверзин — 25 га); первый вид поселений преобладает. Самое крупное поселение Дальверзин относится к числу «формирующихся городских центров» раннежелезного века и обладает развитой фортификационной системой. Крупные поселения были центром ремесленного производства, в особенности металлургического. От середины I тыс. до н. э. известно пока одно Эйлтанское городище общей площадью 200 га и внутренней частью в 20 га. Для него характерна геометрически правильная планировка укреплений, отсутствие цитадели. Резкий скачок в процессе урбанизации Ферганы приходится на мархаматский период (III—II вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.), когда земледельческое население осваивает почти всю долину и во многих оазисах возникают крупные поселения (известно около 200 городищ). Большинство населения обитало в сельской местности. Динамика урбанизационного процесса в раннесредневековой и средневековой Фергане устанавливается в основном по данным письменных источников. Так, в VII в. по Таншу, в Фергане было «6 больших и около 100 малых городов». По сравнению с предшествующим периодом население сосредоточивалось в небольшом числе городов. По данным арабоязычных источников в IX—XII вв. здесь было около 40 городов и селений с соборной мечетью; по данным, относящимся к XV в., число городов сокращается. Исследование динамики развития городских поселений Ферганы показывает медленное (более количественное, нежели качественное) изменение типов, причем характерно отсутствие четкого разграничения между городом и деревней, а также тесная связь городов, особенно малых, с сельским хозяйством.

Тема доклада Н. Г. Горбуновой (Ленинград) — «Поселения Ферганы кушанского времени». Из более чем 300 известных поселений кушанского времени Ферганы исследованы в той или иной степени 10. Первую группу составляют укрепленные дома-замки; вторую — замки с прилегающей территорией площадью до 2 га, огражденной валом с башнями. Памятники третьей группы аналогичны второй, но площадь их огражденной территории больше — от 2 до 4 га. Наконец, четвертую группу, видимо, городские поселения, составляют памятники с мощными укреплениями и внутренней застройкой площадью от 6 до 15 га. Отдельную группу составляют крепости и укрепления на скалах. Имеющиеся данные позволяют заключить, что в кушанское время Ферганская долина была широко заселена, особенно в восточной части, где сконцентрирована большая часть поселений четвертой группы.

В докладе З. И. Усмановой и Г. Я. Дресвинской (Ташкент) «Новые данные к истории памятников среднего течения Кашкадарьи» говорилось, что в последние годы на территории Кашкадарьинской области обследовано свыше 50 памятников, в том числе первые в районе среднего течения Кашкадарьи объекты середины I тыс. до н. э. Открыто много памятников античной поры, большинство из которых существовало и в раннем средневековье. В числе раннесредневековых архитектурных объектов имеются замки, сельские поселения, городища с цитаделью. В эпоху развитого средневековья уменьшается число городов и поселений, но сами они укрупняются.

М. И. Филанович (Самарканд) в докладе «Динамика развития античного и средневекового Мерва» рассказал о возникшем в раннеантичное время на основе древнемаргианской крепости (Гяуркала) Мерве, имеющем регулярную планировку: квадрат стен с воротами на каждой стороне разбит на четыре сектора идущими от них улицами. Город состоял из цитадели и шахристана, был тесно застроен и включал ремесленные и, возможно, купеческие кварталы, а также культовый центр. Расцвет античного Мерва, выгодно расположенного на торговом пути и выросшего вследствие притока населения из северных оазисов Маргианы, приходится на II в. до н. э. — II в. н. э. Со II в. н. э. наблюдается сокращение городской территории, прерванное кратковременным подъемом в первой половине III в. н. э. С конца этого века Мерв попадает в полосу кризиса: сильно уменьшается его территория, приходят в запустение культовые сооружения

(при относительном росте незороастрийского сакрального строительства — буддийского и христианского). Многие ремесленные мастерские перестают функционировать, однако полностью Мерв не потерял своего значения в качестве торгово-ремесленного центра. Кризис продолжался в IV — первой половине V в. Со второй половины V в. Мерв снова вступил в полосу подъема: увеличилась площадь городской застройки, впрочем, не достигшая размеров античного времени, стены были капитально отреставрированы, а незороастрийские культовые сооружения перенесены за их пределы. В это время сильно возрос удельный вес ремесла: старгородские территории в конце VIII в. превратились в ремесленный рабад нового Мерва, возникшего на Султанкале.

Несколько докладов было посвящено археологическим исследованиям античного и средневекового Самарканда, проводимым в основном на Афрасиабе самаркандскими учеными. В докладе *Г. В. Шишкиной* «Город на Афрасиабе VI в. до н. э. — IV в. н. э.» говорилось о том, что возникновение первого поселения на Афрасиабе хронологически может быть связано с экспансией Ахеменидов во второй половине VI в. до н. э.; корни его материальной культуры следует искать на юге. Это поселение становится центром обширной земледельческой округи. На первых порах оно обходится естественными укреплениями и включает большие разбросанные ремесленные «кварталы». К середине I тыс. до н. э. эти массивы вошли в границы города, окруженного стеной; не позднее IV в. до н. э. здесь возводится цитадель античной Мараканды. Во второй период (Афрасиаб II) город вышел за пределы естественной возвышенности, на которой сложилась устойчивая композиция планировки. Северные ворота с середины IV в. до н. э. и восточные со времени возникновения поселка, как и ориентированные на них главные улицы, а также направление трех магистральных каналов, сопутствуемых улицами, сохраняют свое местоположение в течение всего периода жизни на Афрасиабе. Северный район города сохраняет свой производственный облик: здесь, как и ранее, функционируют кузнечные и гончарные мастерские. В период после похода Александра Македонского город вступает в полосу расцвета; застройка вытесняет некрополь на северо-западе Афрасиаба I. С первых веков нашей эры город вступает в полосу кризиса, и жизнь на его периферии прекращается. В V в. н. э. возводится двойное кольцо стен со рвами, оградившее треть былой территории города. В раннесредневековое время вновь наблюдается рост территории города, в VII в. достигшего своих былых границ.

Доклад *Ш. С. Ташходжаева* «Археологические работы на Афрасиабе в 1972 г.» был посвящен раскопкам античного, дворцового, керамического и кульново-мемориального комплексов. Исследование квартала античного времени позволило определить местонахождение древних городских ворот, найденные незначительные остатки жилищ располагались по обеим сторонам улиц. Раскопками дворцового комплекса самаркандского правителя Вархумана (656—696 гг.) уточнена планировка дворца, выявлена его связь с городской площадью и крепостной стеной. Дворец пережил несколько строительных периодов, последний из которых датируется большим кладом монет Тархуна (700—710 гг.). Окончательно дворец разрушен в 70-х годах VIII в. Восточнее дворца последовал участок с крупным жилым комплексом саманидского времени. В здании VI в. был полностью вскрыт парадный зал со стеной росписью. На кульново-мемориальном комплексе, включающем соборную мечеть, мавзолей и мазары, исследовались слои хорезмшахского и караханидского времени. Раскопки в северной части Афрасиаба вновь показали, что уже в IX в. основная масса производственной и жилой застройки перемещается в центральную и западную части городища, в то время как здесь возникает кульново-мемориальный комплекс.

В своем докладе «Результаты археологических исследований квартала гончаров в центре Афрасиаба» *Ш. Шаражимов* сообщил о том, что в результате исследований последних лет установлено месторасположение квартала гончаров в различные периоды существования Самарканда. В античное время — это северная часть городища, в раннесредневековое — северо-восточная часть, в IX—X вв. — центр городища. Кроме того, в окрестностях Афрасиаба раскрыто еще несколько гончарных мастерских XI—XIII вв. Археологическое изучение квартала гончаров в центре городища показало,

что в числе выделенных 14 хозяйств были не только гончарные, но и хлебопекарные. Выяснена планировка как всего квартала, так и отдельных его хозяйств, состоявших из жилых, производственных и подсобных помещений. Каждое из рабочих помещений носило специализированный характер: в одном из них заготавливалась глина и болванки, в другом производилась формовка сосудов, в третьем — роспись сосудов и т. д.

Ряд докладов был посвящен археологическим исследованиям Ташкента и его округи. *В. И. Спришевский* (Ташкент) в докладе «Киндыктепа — один из культурных центров древности» изложил результаты разведочных работ на Ташкентском море, где было выявлено большое размытое водой городище с цитаделью Киндыктепа, расположенное на мысу естественного происхождения и протянувшееся на 1,5 км. В 1971—1972 гг. были осуществлены раскопки на городище и цитадели, а также разведочные работы по прилегающей округе. Высота сохранившейся части цитадели от 4 до 10 м, диаметр 40—45 м. Один из заложенных на шахристане раскопов дал материалы VII—VIII вв., в другом были вскрыты слои IV—V вв. Сборы на шахристане и прилегающей округе дали огромный материал палеолитического, неолитического времени и эпохи бронзы; керамические находки относятся ко времени от первых веков эры до XIII—XIV вв. В процессе разведок было обнаружено городище длиной в 238, шириной 137 м с многочисленными углублениями — остатками жилищ, которое по подъемному материалу может быть датировано VI—III вв. до н. э. В заключение докладчик призвал коллег уделять большее внимание археологическим памятникам, находящимся под угрозой уничтожения, чтобы избежать таких потерь, как затопление чрезвычайно интересного комплекса Киндыктепа.

Ю. Ф. Буряков (Самарканд), выступивший с докладом «К топографии городов древнего Шаша», рассказал об археологических раскопках на территории древней области Шаш, которые, как он считает, позволяют провести локализацию упоминаемых в письменных источниках городов. Существенную помощь при этом оказывает такой фактор, как древние караванные пути. Известно, что существовало два пути, ведущие из Согда в Шаш, — южный и северный. Южный путь по Шашу начинался с переправы через Сырдарью к югу от Бенакета (городище Шахрухия) и далее через Харашкет (городище Канка), Худайшкет (городище Аккурган) шел в долину Чирчика — к Чиначекету или Шутуркету. Ранние монеты с городища Шахрухия, изучение Канки и Аккургана позволяют заключить, что этот путь сформировался еще в античную эпоху и интенсивно существовал в раннем средневековье. Интересные данные представили раскопки городища Киндыктепа, расположенного на стратегически выгодном мысу между р. Ахангараном и его притоком Бургулюксаем. Были вскрыты слои от I до XVI вв.; основные наслоения относятся ко II—V вв. — кварталы жилых и производственных помещений на шахристане, укрепления. В саманидскую эпоху возросло значение северного пути из Согда в Шаш. Открыта крепость, квадратная в плане, площадью 24 га, прикрывавшая переправу через р. Чирчик к Чиначекету. Руины последнего города лежат на берегу Чирчика в с. Чиназ. Возникновение укрепленного города здесь относится к VI—VII вв., а расцвет его приходится на XI—XII вв., когда город перешагнул через более ранние оборонительные стены и раскинулся на площади в 40 га. Поэтому источники X в. и именуют его лишенным фортификационных сооружений. От Чиначекета путь в столицу Шаша шел через Шутуркет (Искиташкент), Данфеганкет (городище Юган-тепе) и Зилтикент (Зангиата). Далее через Банункет (городище Кугаит-тепе в Ногайкургане) путь пролегал к Бинкету, локализуемому на месте Ташкента.

В докладе *Д. Г. Зильпер* (Ташкент) «Стратиграфия городища Минг-урюк в Ташкенте» говорилось о завершении работ на этом городище и о введении стратиграфической шкалы, позволившей наметить четыре этапа его существования. На первом этапе — IV—V вв. — возникло поселение с плотной застройкой, окруженное мощной оборонительной стеной. Ко второму этапу относится сложение города в VI — начале VII в., когда часть укрепления была превращена в цитадель, а вокруг вырос шахристан. На третьем этапе — в VII—VIII вв. — город достиг расцвета. В это время прослежи-

вается интенсификация жизни на шахристане, на котором возник большой дворцовый комплекс. В конце этого этапа город погибает в пожарах. В XI—XII вв. на месте города возникает поселение, тяготеющее к Бинкету; восточная часть бывшего шахристана превращена в некрополь. Стратиграфия городища Минг-урук в целом показательна для восточной группы памятников Большого Ташкента — Олтын-тепе, Чильдухтарон-тепе, Таукат-тепе и др.

М. И. Филанович (Самарканд) в докладе «Раскопки Ак-тепе у абразивного завода в Ташкенте» сообщил, что прежними раскопками на Ак-тепе было обнаружено замковое укрепление с донжоном и помещениями различного назначения. Раскопки 1972 г. позволили установить, что укрепление претерпело два строительных периода. На первом — сооружение имело четыре этажа, внешняя стена его была сложена из прямоугольной формы сырцового кирпича, чередующегося с пахсой. Здание было обведено двухъярусной галереей. Ко второму строительному периоду относятся стены и несколько уровней полов на восточном участке террасы. Это интересное по своей архитектуре сооружение существовало в V—VIII вв.

Большое внимание на сессии было уделено также вопросам изучения культов античной Средней Азии. *Л. А. Лелеков* (Москва) в докладе «К оценке исторических судеб зороастризма в Средней Азии в I тыс. до н. э.» указал, что появление зороастризма в Средней Азии трудно связывать с сако-массагетскими племенами, как это принято в литературе. Опушительное влияние зороастризма в Средней Азии прослеживается лишь с парфянской эпохи, причем его распространение в Приаралье обязано идеологической экспансии с юга. Всякие же сако-массагетские погребальные ритуалы предшествующего времени следует рассматривать в качестве возможного результата эволюции протоарийской погребальной обрядности, независимо от зороастризма.

Х. Ю. Мухитдинов (Душанбе) в докладе «Терракоты Саксанохура» сообщил, что на городище античного времени Саксанохур, расположенном на самом юге Таджикистана, почти полностью вскрыт дворцово-храмовый комплекс, причем алтари храмовых сооружений удивительно близки алтарям Геокюрского неолитического святилища в Южной Туркмении. Раскопками гончарного квартала добыт разнообразный керамический материал, в том числе большое число терракотовых статуэток. В соответствии с четырьмя периодами существования античного городища (греко-бактрийский и три кушанских) общая масса терракот делится на четыре группы. Первую, раннюю группу составляют изображения женщины в платье, придерживающей двумя руками у груди зеркало с ручкой или женщины в платье типа хитона с сосудом в правой руке и венком или инвентурным кольцом в опущенной левой руке. По мнению докладчика, это изображения женского божества, атрибут которого — зеркало, символизирующее солнце, а также счастье. Атрибуты второго типа — венок и кольцо — указывают на категорию власти. Х. Ю. Мухитдинов считает эти терракоты изображениями богини любви, плодородия и войны Анахиты. В конце II — начале I в. до н. э. тип терракот изменяется: женские изображения передают предыдущий огрубевший образ божества с зеркалом, мужские — образ всадника-сака в остроконечной шапке, что связано с набегами кочевых племен на Бактрию. В конце кушанской эпохи терракоты становятся более схематичными и среди мужских статуэток появляется еще один тип — изображение всадника в подпоясанном кафтани, иногда с булавой. По мнению докладчика, мужские статуэтки изображают божество или местного героя-предка, а всадник с остроконечным клобуком — тот же образ, но в интерпретации, характерной для кочевников. В обоих типах докладчик видит изображение Ахурамазды. Таким образом, данные коропластики указывают, что в Северной Бактрии уже в III в. до н. э. распространился зороастризм.

Доклад *Ш. Р. Пидева* (Самарканд) «Раскопки святилища „ахеменидского“ времени на холме Джандавлат-тепе в Северной Бактрии» был посвящен городищу Джандавлат-тепе, самому крупному в Шерабадском оазисе, существовавшему с середины I тыс. до н. э. и, вероятно, одному из провинциальных центров Северной Бактрии. Неподалеку от него расположен небольшой холм, раскопки которого выявили остатки монументального сооружения, возведенного на пахсовой платформе с двумя заглуб-

ленными в нее пахсовыми же стенами. На полу сооружения найдены сосуды различной формы, относящиеся к середине I тыс. до н. э. Докладчик трактовал это сооружение как храм огня.

В докладе *Г. А. Брыкиной* (Москва) «Некоторые вопросы верований древних ферганцев» говорилось, что в ферганской усадьбе Кайрагач раскрыт сакральный комплекс античного времени, где были найдены ритуальные статуэтки и курильницы. Антропоморфные изображения схематичны, стилистически нестандартны и связаны с анимистическими верованиями древнего населения Ферганы. По назначению они делятся на две группы, одна из которых связана с погребальным обрядом, а другая — с заупокойным культом предков, что можно заключить на основании портретного характера ряда скульптур.

Б. Я. Ставиский (Москва) выступил с докладом «Место буддийских институтов в системе древнего города Средней Азии», в котором сообщил, что в соответствии с данными письменных источников о распространении в Средней Азии буддизма археологическими исследованиями открыто множество буддийских памятников, относящихся к кушанскому (I—IV вв.) и раннесредневековому (IV—VIII вв.) времени. Хотя буддизм не был в Средней Азии государственной религией, он играл заметную роль как в древности, так и в раннем средневековье. Раскопки на Кара-тепе, Зурмале и Ваяз-тепе в Термезе дают представление о месте буддийских памятников в жизни среднеазиатского города. Входящие в систему буддийских центров храмы, святилища, ступы, культовая скульптура и росписи предназначались и для монахов, и для горожан — поклонников буддизма. Большие размеры всех трех буддийских центров указывают на значительное число прихожан. В буддийских монастырях Термеза, возможно, велось обучение населения грамоте и светским наукам, как это имело место в Индии и Китае. Экономическое и правовое положение буддийских монастырей в Средней Азии пока неясно, однако наличие изображения в святилище близ Дальверзин-тепе местного владыки с семьей в числе донаторов может указывать на поддержку их городскими верхами.

Л. И. Альбаум (Самарканд) в докладе «Буддийский храмово-монастырский комплекс Фаяз-тепе» указал, что объединение различных областей Средней Азии в рамках кушанского государства способствовало сближению и взаимообогащению ряда культур, торговому и культурному обмену, что вызвало значительный рост городов. В государстве кушанов, отличавшихся большой веротерпимостью, самой распространенной религией был буддизм. Поэтому изучение культовых центров способствует углублению наших представлений об идеологии кушанского общества. Одним из буддийских центров Термеза был храмово-монастырский комплекс на Фаяз-тепе, состоящий из трех частей: основного храмового комплекса со ступа и святилищем, монастыря и хозяйственных зданий. Раскопками в святилище обнаружены росписи и скульптура. Особенно интересен горельеф с изображением Будды, сидящего под священным деревом Бодхи, и маленькими фигурками стоящих по обе стороны монахов. Это одна из самых ранних триад, широко распространенных позднее в Китае и Японии. Предварительная датировка комплекса — I—III вв.

Ряд сообщений касался различных сторон археологии Средней Азии античного времени. Доклад *Б. Уракова* (Самарканд) «Керамические комплексы Кызылкыра и Сеталака» был посвящен памятникам античного времени Сеталак I, II и Кызылкыр, расположенным в 45 км к северо-западу от Бухары и представляющим собой укрепления, возведенные на границе Бухарского оазиса, с выросшими вокруг них поселениями. В процессе раскопок был найден большой керамический материал, основные типы которого составляют плоскостонные хумы с отогнутым венчиком, широкие открытые чаши с загнутыми вовнутрь краями, шаровидные фляги, кувшины и разных форм горшки. На Кызылкыре найдены также сосуды с изображениями бараньей головы, а также украшенные аналогичным образом ручки сосудов. Керамика, связанная с первым строительным периодом, относится ко II в. до н. э.—II в. н. э. (ранняя дата подтверждается монетой Гиркода от 188 г. до н. э.), керамика второго строительного периода — к II—V вв.

Б. А. Тургунов (Ташкент) выступил с докладом «Древние шахматы в Средней Азии». В литературе распространено мнение о том, что шахматы появились в VI в. до н. э. в Индии, откуда проникли в Иран, затем в Среднюю Азию, арабские страны и Европу. В Средней Азии на Афрасиабе, Мунчак-тепе близ Термеза и в Хульбуке были найдены шахматные фигурки, относящиеся к VI—VIII и XVI вв. Однако в 1972 г. при раскопках городища Дальверзин-тепе в Сурхандарьинской области на полу одного из помещений были найдены шахматные фигурки из слоновой кости, а в засыпке над фигурками — монета II в. н. э. В свете этих находок несколько терракот, обнаруженных в 1965 г. на Айртаме и датируемых I—II вв. н. э., могут быть определены как шахматные фигуры.

В заключение данного обзора остановимся на работе секции античной археологии. *Т. М. Арсеньева* (Москва) в докладе «Работы Нижнедонской экспедиции в 1971—1972 гг.» сообщила об исследованиях, проводившихся на ряде участков четырехугольника Недвиговского городища и на городском некрополе. На юго-западном участке городища вскрыты два продольных помещения, функционировавшие соответственно до середины III и рубежа IV—V вв. н. э., с большим количеством разнообразных находок. На западном участке вскрыты остатки домов конца IV — начала V в. н. э., часть стен имеет закругляющуюся конфигурацию. В центре городища вскрыты слои последнего периода существования Танаиса. Здесь найдены жернова, зерновые ямы, огромное количество черепицы в слое II—III вв., на других раскопах встречавшейся редко. На некрополе случайно обнаружен богатый погребальный инвентарь II в. н. э.

В докладе *Н. Л. Грач* (Ленинград) «Работы Нимфейской экспедиции в 1972 г.» говорилось о раскопках на шести объектах в южной и юго-западной частях городища, где предположительно находилась древняя гавань, затопленная морем. На самом берегу под водой были обнаружены два помещения эллинистического времени и заполнение из керамики. К югу от городища, в плавнях, гавани не было, как предполагали ранее, поскольку тут найдено много материала различного характера, т. е. в древности здесь была суша. Раскопки участка у подножия плато дали обильный керамический материал IV в. до н. э., в том числе более 300 фасосских, синопских, гераклейский и других клейм. Раскопки во впадине у плато обнаружили мощный культурный слой. На глубине 6 м здесь были найдены остатки монументального сооружения VI—V вв. до н. э. В центре городища вскрыты остатки большого сооружения второй половины V в. до н. э., перекрытые кладками эллинистического и римского времени. Найдены также две винодельни IV в. до н. э.

М. М. Кубланов (Ленинград) в докладе «Новые памятники некрополя Илурата» рассказал о раскопках на илуратском некрополе. В итоге выделено четыре типа погребальных сооружений: 1) каменные вырубные склепы; 2) камерные склепы; 3) вырубные сводчатые склепы; 4) склепы из массивных (до тонны весом) блоков с полудицилиндрическим сводом. Раскопками 1972 г. в южной оконечности некрополя, относящегося ко II—III вв. н. э., были вскрыты памятники всех групп. Обнаружены детское погребение первой половины III в. в каменном ящике, камера с лежанкой; на козырьке свода камеры находится медальонное изображение бородатого мужчины, возможно хтонического божества. Раскрыта площадка с двумя огромными кострищами, насыщенными большим числом предметов. Открыт каменный склеп из больших квадров, на стенах которого вырублены кресты. По найденному материалу склеп датируется III — началом IV в. н. э. Склеп использовался дважды, черты христианского культа относятся к началу IV в. В Илурате христианский комплекс, причем столь ранний, встречен впервые. Среди вещей в склепе найден золотой перстень с греческой надписью.

В докладе *О. Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) «Раскопки Вани в 1972 г.» сообщалось, что в 1972 г. на центральной и нижней террасах Вани открыты ямы неизвестного назначения, вырубленные в скалистом массиве. Найдены различные керамические материалы. В числе раскрытых кладок есть стена из хорошо обтесанных каменных блоков. Раскопанные участки относятся к IV—III вв. до н. э.

В докладе *Ф. Л. Османова* и *Ф. А. Ибрагимова* (Баку) «Результаты археологических работ Ньюзинского отряда в 1972 г.» говорилось, что до 1972 г. на исследуемом

памятнике было обнаружено четыре групповых захоронения. В 1972 г. раскрыто 11 групповых захоронений с обширным, очень оригинальным материалом конца II в. до н. э.— I в. н. э. Обнаружен клад из 36 серебряных монет при скорченном погребении 36 керамических сосудов и ряд различных украшений. Монеты представляют собой подражание монетам Александра Македонского местной чеканки. Оригинальной формы сосуды характерны для местной албанской культуры античного времени. Интересно проявляющееся в материальной культуре эллинистическое влияние на местные традиционные типы.

Б. Г. Петерс (Москва) в докладе «Исследование античного поселения в Восточном Крыму у с. Михайловка» рассказал, что в данном районе проводилось изучение как самого поселения, так и его округи. Открыты следы древних клеров, нарезка которых проводилась дважды. Участки площадью 10,2 га связываются докладчиком с переселением каллатийцев на Боспор. На поселении открыто пять слоев. Первый относится к эллинистическому времени, второй — к I в. до н. э., к третьему слою принадлежит вскрытая сельскохозяйственная усадьба клера, представляющая собой в плане фигуру, близкую к квадрату со стороны примерно в 30 м, с мощной фортификационной системой, хозяйственными и жилыми помещениями внутри; усадьба существовала в I — начале II в. н. э. Четвертый слой с различными помещениями хозяйственного и жилого назначения относится ко II—III вв. н. э., пятый слой — средневековый.

Доклад *Ф. И. Тер-Мартirosова* (Ереван) «Терракоты из Арташата и Армавира» был посвящен раскопкам столичных городов Армении античного времени—Арташата и Армавира, где найдено несколько терракотовых статуэток позднеэллинистического времени. Одна из них изображает женщину с ребенком. В античной коропластике статуэтки такого типа изображали Кибелу-Деметру; в Армении такое изображение, вероятно, персонифицировалось в качестве богини Анаит, культ которой близок культу Кибелы. Второе изображение — лютнистка — имеет аналогии в Передней Азии, где подобные статуэтки бытовали до средневековья. В третьей терракоте предположительно (вследствие плохой сохранности) докладчик видит изображение богини с факелом Гекаты. Еще две статуэтки из Армавира изображают коленапреклоненного мужчину. Одна из них сработана в местной манере, другая — в эллинистической; предположительно они могут быть связаны с солнечным культом. Формально-стилистические и типологические особенности данных терракот предполагают их местное изготовление и наличие в столице Армении двух коропластических мастерских, одна из которых развивала местные традиции, другая восприняла эллинистические влияния.

И. Г. Шургая (Ленинград) выступил с докладом «Исследования Илурата в 1972 г.». Основной задачей работ 1972 г. было исследование градостроительной системы этого позднеантичного города-крепости. С этой целью на пересечении основных продольной и поперечной улиц был заложен новый участок. Открыта площадь небольших размеров с хорошим обзором в четырех направлениях. Продольная улица имеет в ширину 5 м, поперечная — до 4,5 м. Раскопаны два из четырех выходящих на площадь углов кварталов. Один из этих углов принадлежал к хозяйственному помещению, другой — возможно, культовому, так как в нем не было найдено никаких хозяйственных объектов, а в загородке, присыпанной золой, были найдены две фигурки богини и сосуд на четырех ножках.

В докладе *А. Н. Щеглова* (Ленинград) «Работы Тарханкутской экспедиции в 1972 г.» сообщалось, что в окрестностях Ярылгачской бухты в силу благоприятных природно-географических факторов в IV—III вв. до н. э. образовался своеобразный земледельческий «микрорайон», входивший в херсонесскую хору. Исследование этого объекта носило комплексный характер и велось пятью группами — разведочной, усадьбой, курганной, геофизической и палеогеографической. Разведками обнаружена еще одна сельскохозяйственная усадьба Панское III и остатки поселения того же времени. На поселении Панское I производились раскопки сельскохозяйственной усадьбы IV—III вв. до н. э. Раскрыты 30 помещений, въездные ворота, частично расчищен внутренний двор. Выясны общая планировка усадьбы, история строительства, назначение помещений. Исследован также курганный некрополь второй половины IV—

начала III в. до н. э. Геофизические работы позволят в будущем составить карту строительных остатков без производства раскопок, что сделает археологическое исследование более эффективным. Палеогеографические исследования позволят реконструировать растительный покров местности и ее естественную историю. Можно полагать, что в древности уровень моря был ниже, бухта имела иные очертания, ландшафт местности включал развитую систему балок с затопленными устьями, на склонах которых, видимо, и были расположены античные сельскохозяйственные поселения.

И. В. Яценко (Москва) в докладе «Раскопки на городище Чайка в 1972 г.» говорила о раскопках поселения, расположенного у санатория «Чайка», и могильника у деревни Заозерское, возникшего на месте каменоломен, снабжавших поселение камнем. На поселении открыто 12 жилых и хозяйственных помещений, мощенные камнем дворики. Находки включают в основном лепную и гончарную керамику I в. до н. э. — I в. н. э. На могильнике вскрыты два кургана. Центральное погребение одного из них оказалось разграбленным; захоронения датируются IV—III вв. до н. э. и синхронны греческому поселению. Под полой другого кургана найден выстроенный в каменоломне склеп с материалом I в. до н. э. — I в. н. э.; найденные захоронения — первые из числа синхронных скифскому поселению. Использование склепа скифами — вторично, построен он был в предшествующее время греками.

Работа сессии прошла на высоком научном уровне. Одной из самых интересных секций была теоретическая, в которой был заслушан ряд докладов о теории и методике археологических исследований. Сессия показала, что в наши дни ведется широкое изучение Средней Азии. Значительную роль в исследовании памятников Средней Азии играют местные кадры, и с каждым годом роль их возрастает.

Для участников сессии был организован ряд экскурсий. Поездки в Бухару, Шахрисабз, Пенджикент, к памятникам античного и средневекового Самарканда — все это позволило участникам сессии воочию познакомиться с богатейшим культурным наследием Средней Азии.

В. П. Яйленко